

Л. Д. ПОЗДНЕЕВА

ЧЕХОВ И КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Роль и влияние Чехова в Китае до сих пор еще не освещались ни в нашей, ни в китайской литературе, и вполне понятно, что, по условиям военного времени, настоящее сообщение не может претендовать на исчерпывающую полноту из-за отсутствия новейших данных. Но, тем не менее, и по имеющимся материалам можно отчасти осветить этот важный и интересный вопрос.

Роль и влияние Чехова, естественно, нельзя рассматривать оторванно от роли и влияния всей советской и русской литературы в Китае, и поэтому необходимо остановиться вкратце на этой огромной проблеме.

Китайская литература, за свое многовековое существование почти не подвергавшаяся иностранному влиянию, за исключением индийского, с конца XIX и начала XX вв. начинает приобщаться к сокровищнице мировой литературы. При этом интересно отметить, что, как и в Японии¹, иностранная литература давала первому китайскому переводчику Линь Шу лишь фабулу, которую тот, не владея ни одним европейским языком, обрабатывал с чужих слов на китайский манер. Переведенные им таким образом более двухсот книг, в числе которых находились произведения Диккенса, Шекспира и др., впервые ознакомили китайских читателей с героями мировой литературы, действовавшими по всем правилам старинного китайского литературного стиля. Но прошло немного времени, и после литературной революции, совершившейся 25 лет назад, изучению и переводу иностранной литературы,—тому, что китайцы называют одним словом «цзешао» (рекомендации),—стали отдавать свои силы известные писатели и квалифицированные переводчики, посвятившие многие годы изучению языка и культуры той страны, литературу которой они переводят. Ныне считается далеким прошлым то время, когда русская литература переводилась с японского или английского, и на смену переводу «Войны и мира» Го Можо с японского в годы войны вышел перевод Гао Ди непосредственно с оригинала.

Несмотря на то, что вначале русской литературе отводилось почетное место, все же на первом месте стояли переводы западноевропейских авторов. Со временем же русская литература завоевывает все более прочное положение и становится господствующей как по количеству и качеству переводов, так и по влиянию на творчество китайских писателей. Читателю этой страны хорошо зна-

¹ См. Н. И. Конрад. Первый этап японской буржуазной литературы. Проблемы литературы Востока. Труды Института востоковедения АН СССР, 1932.

комы имена Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Чехова и многих других. Горький переведен целиком, «Воскресение» Толстого три раза ставилось на сцене, из них последний раз в 1943 г. в Чунцине. «Ревизор» и «Гроза» идут в Гуйлинском театре. Для того чтобы представить себе, какая огромная повседневная работа ведется в Китае над переводом нашей литературы, приведу одну из хроник журнала «Интернациональная литература»¹.

«Несмотря на трудности, которые переживает полиграфическая промышленность Китая, китайскими издательствами за последние годы выпущено много переводов советских писателей. Так, в 1939 г. переведены произведения Горького «На дне», вторая часть «Жизни Клима Самгина», «Сильнее смерти». Переводчик Цзинь Жэнь опубликовал перевод первой и второй частей «Тихого Дона» М. Шолохова. Писатель Фын И перевел «Одиночество» Н. Вирта, и переводчик Линь Даньцуй—киносценарий Каплера и Златогоровой «Ленин в 1918 г.»

С русского языка были также переведены повесть В. Катаева «Я сын трудового народа» и очерки Эренбурга «На фронте Теруэля». В Шанхае Китайским театральным обществом были изданы переводы двух книг Станиславского: «Работа актера над собой» и «Моя жизнь в искусстве». Кроме того, в литературных журналах и газетах было опубликовано много других переводов произведений советских писателей. Этот краткий перечень является лишь небольшой частью проделанной и ведущейся поныне работы. Достаточно указать, что лишь к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции вышло 14 названий книг, в том числе «Лирика» Пушкина, «Поэмы» Лермонтова, «Три сестры» Чехова, «Давид Сасунский» и ряд других.

Наряду с этим материалом ряд высказываний китайских писателей говорит о решающем влиянии русской литературы на китайскую.

Писатель Ай У в письме от 8 августа пишет: «Ваши писатели—Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький и вплоть до всех ныне живущих—оказывают очень большое влияние на писателей наших».

Го Можо в статье «Усилим связь советской и китайской литературы»² утверждает, что «имена Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого и Чехова для китайского писателя стали такими же близкими, и даже ближе, чем имена Ши Найяня, Ло Гуанчжуна, Цао Сюэциня, У Цзинцзы, Пу Сунлина и других...»

Лу Синь в статье «Приветствую связь советской и китайской литературы»⁴ писал: «Русская литература—это наш учитель и друг...».

Кроме того, летом 1926 г. он заявил:⁵ «Чехов—мой любимый

¹ «Интернациональная литература», 1940, № 9—10, стр. 269.

² Журн. «Культура Китая и СССР», 1940, № 5.

³ Авторы лучших произведений китайской литературы—перечисляю последовательно: автор романа о повстанцах XII в. «Шуйху Чжуань», исторического романа «Три царства», сентиментального романа «Сон в Красном тереме», сатирического романа «Неофициальная история конфуцианства». Пу Сунлин известен советскому читателю по переводам академика В. М. Алексеева, выпустившего 4 тома новелл Ляо Чжая.

⁴ Собрание соч., т. 5.

⁵ Сб. «Лу Синь», изд. АН СССР, 1938, статья Э. Сяо.

писатель. Я также люблю Гоголя, Тургенева, Достоевского, Горького. Русская литература переведена на китайский язык в гораздо большем количестве, чем литература других стран, и имеет в Китае очень большое влияние».

Переводы произведений Чехова, как видно из вышеизложенного, занимают важное место в русской литературе, знакомой Китаю. Они стали появляться в самом начале движения за новую литературу, и примерно с 1921 по 1926 г. уже оказалась переведенной вся драматургия Чехова и значительная часть прозы. Отдельные его произведения публиковались в основном в журнале «Новелла», а также в «Еженедельной литературной газете», которым принадлежит главная заслуга в ознакомлении Китая с мировой литературой; затем Чехов выпускался отдельными изданиями, по большей части самым значительным издательством Шан У в Шанхае, а также Бейсинь в Пекине, причем книги быстро расходились.

Переводчики Чехова—в основном члены Общества изучения литературы, активные участники литературной революции, издававшие с 1921 по 1932 г. журнал «Новелла», вначале под редакцией Мао Дуня (Шэнь Яньбин), затем Чжэн Чжэньдо. Целый ряд переводчиков, как Гэн Цзичжи, Гэн Шичжи, Чжан Юсун, Ли Бинчжи, Цао Цзиньхуа (последний сотрудничал в журнале Лу Синя «Вэймин»), посвятили себя целиком переводам русской литературы. Для других, как Чжэн Чжэньдо и Чжао Цзиншэн, переводческая деятельность послужила лишь этапом на пути к изучению истории и теории литературы и отдельных ее проблем. Третьи, как Лу Синь и Ван Тунчжао, будучи писателями, учились на русских образцах и обогащали тем самым свою родную литературу.

Цао Цзиньхуа в настоящее время является ведущим переводчиком и редактором большинства переводов русской литературы. Он хороший знаток русского языка и культуры, жил у нас более десяти лет, работая преподавателем Ленинградского университета. Эти годы он посвятил изучению русской литературы, истории и теории литературы, Горького, Белинского, Добролюбова, Плеханова, будучи притом в курсе всей литературной жизни нашей страны. Ему принадлежит перевод «Трех сестер» Чехова, «Железного потока» Серафимовича, «Хлеба» А. Толстого и многих других произведений.

Другой переводчик Чехова, также большой знаток русского языка и литературы—Цюй Цюбо. Он опубликовал сборники Чехова и Горького и ряд других переводов, причем его перевод «Буревестника» считается лучшим из всех существующих до настоящего времени. У него много и оригинальных произведений.

Чжан Юсун, который перевел «Три года» Чехова и сборник его рассказов, был главным редактором журнала «Вешние воды». Кроме Чехова он переводил Тургенева.

Очень много переводов дал Гэн Цзичжи. Он познакомил китайского читателя с Тургеневым («Записки охотника», «Отцы и дети», «Месяц в деревне»), с Толстым («Воскресение», «Власть тьмы», «Об искусстве»), перевел «Грозу» Островского. Вместе с Гэн Шичжи он выпустил сборник произведений Чехова, в котором ему принадлежит перевод рассказов «Княгиня», «Соседи», «Без заглавия» и ряд других. Кроме того, он принял участие в сборнике журнала «Новелла» в 1925 г. переводом рассказа «Убийство».

Гэн Шичжи, участник упомянутого выше сборника рассказов Чехова, перевел его драмы: «Иванов», «Вишневый сад» и «Дядя Ваня».

Чжэн Чжэньдо, опубликовавший в 1921 г. перевод «Чайки», является значительной фигурой в китайском литературоведческом мире. В течение десяти лет он редактировал журнал «Новелла», затем путешествовал по Европе, много переводил, дал ряд трудов по истории китайской, русской и западноевропейской литератур. В 1935—1936 гг. был главным редактором большого издания «Сокровища мировой литературы» и в настоящее время продолжает свою деятельность в Чунцине.

Переводчик Чжоу Цзожень, брат Лу Синя, в течение долгих лет был выдающимся деятелем в литературе, одним из главных сотрудников журнала Синь Циннянь, редактором «Юйсы»; он выпустил сборник «Заграничные рассказы», в который вошли произведения Чехова. В военные же годы он оказался одним из немногих среди китайских писателей изменников родины.

Чжао Цзиншэн, впоследствии ставший известным в области изучения драмы, выпустил сборник Чехова «Тоска», по одноименному рассказу, в который вошли: «На даче», «Мальчики», «Мститель», «Пассажир первого класса», «Злоумышленник» и ряд других произведений.

Кроме этих основных переводчиков Чехова над ним работали также лидер движения за новую литературу Ху Ши, известный поэт Сюй Чжимо из группы «Новолуние», писатель Ван Тунчжао, редактор ряда литературных журналов, писатель и редактор литературных приложений к газетам Бэйпина и Уханя—Сунь Фуюань.

Кроме того, ряд переводов Чехова дали Ли Бинчжи, переводивший также повести Гоголя, Дэн Яньцунь, Ван Цзинь, Чэнь Цзя, Чжао Сичжан и Сяо Сюн, биографий которых, к сожалению, у нас не имеется.

Из этого краткого обзора видно, что Чехов привлек к себе большое внимание как писательских, так и читательских кругов в Китае и за сравнительно короткий срок произведения его стали широко известны.

Здесь необходимо отметить, однако, что понимание творчества Чехова на различных этапах развития китайской литературы не было одинаковым. Вначале, когда в литературе Китая были сильны упадочнические течения в лице Ю Дафу, Чжоу Цюаньпина и др., творчество Чехова воспринималось многими как декадентство, но с подъемом революционного движения, с полевением все большей части интеллигенции китайская литература переходит к реализму, а вместе с тем и к реалистическому пониманию творчества Чехова, к пониманию его гуманизма.

Творчество Чехова, которое не встретило понимания у его современников и для понимания которого понадобился гений Горького, также и в Китае, несмотря на большое число переводов, не нашло понимания у молодых и малоопытных писателей. Для того чтобы понять его, понадобился великий писатель Лу Синь, в значительной мере находившийся под влиянием Чехова, и если мы имеем право говорить о влиянии Чехова на китайских писателей, то оно идет не прямо, а лишь через Лу Синя, явившегося воспитателем и учителем целого ряда писателей.

Таким образом кроме определенного читательского интереса к Чехову в Китае мы можем проследить также и определенное литературное влияние Чехова в этой стране.

Для постановки вопроса о влиянии Чехова на Лу Синя имеется целый ряд следующих данных.

Во-первых в Китае есть люди, которые в числе других почетных прозваний для Лу Синя говорят о нем как о китайском Чехове. К сожалению, они не поясняют подробнее, что они под этим понимают, что общего между обоими писателями.

Назвать же просто Чеховым писателя, жившего в другой стране, в других условиях, стоявшего целиком на своей родной почве, подлинно национального китайского писателя, не значит ли принизить его до степени простого подражателя? Нет, конечно это не так. Это доказывает лишь, что Чехова знают и любят в Китае и чувствуют инстинктивно сходство с ним Лу Синя.

Во-вторых, основание для разработки этого вопроса дает приведенное выше заявление Лу Синя о том, что он любит Чехова, причем выдвигает его перед всеми другими любимыми им русскими писателями. В-третьих, тот факт, что Лу Синь сам переводил Чехова (в сборнике «Заграничные рассказы»).

Четвертое же и самое серьезное основание этому дает анализ творчества Лу Синя, и хотя постановка вопроса о влиянии Чехова на Лу Синя требует специального исследования, тем не менее можно попытаться обрисовать основные линии, по которым прослеживается это влияние.

Лу Синь становится писателем в то время, когда прогрессивные люди Китая, в основном профессура и студенчество, решали проблему о создании нового языка и новой литературы на живом разговорном языке. Перу Лу Синя принадлежало первое художественное произведение, доказавшее на деле могущество и жизненность новой литературы,—это был «Дневник сумасшедшего» (1918)¹. На смену бесконечным рыцарским, фантастическим и авантурным романам, драмам и новеллам, в которых влюбляются и страдают ученые таланты и нежные красавицы, с обязательным благополучным концом—туань юань—встречей всех разлученных, Лу Синь вводит в китайскую литературу новых героев—маленьких людей с их повседневной трудовой жизнью и обычными человеческими переживаниями. Безродный батрак в «Подлинной истории А—Ку»², вдова-пряха в «Завтра», крестьянин-арендатор в «Родине»³, рикша в «Незначительном происшествии»⁴, трактирщик, его жена и сын в «Лекарстве»⁵ и т. д.—вот действующие лица в рассказах Лу Синя, где он рисует мрачную жизнь маленьких, простых людей, полную суеверных обычаев, невежества, безысходной тоски и звериной грызни между собой. Вот эта защита человеческих прав маленьких людей⁶ и является чертой, роднящей творчество Лу Синя с Чеховым, причем в сходстве их реалистического метода, их гуманизма не последнее место занимает тот факт, что Лу

¹ Сб. «Крик».

² Сб. «Правдивое жизнеописание» под ред. проф. Колоколова, 1929.

³ Журн. «Молодая гвардия», 1941, № 3.

⁴ Журн. «Интернациональная литература», 1939, № 2.

⁵ Там же.

⁶ М о т ы л е в. Чеховское слово в мировой литературе, «Литература и искусство», 15 июля 1944 г.

Синь до своей писательской деятельности был врачом с современным медицинским образованием.

И вместе с тем Лу Синь, как и Чехов, почти в каждом своем рассказе куда-то ведет, куда-то зовет и полон бесконечной любви к своей родине, к ее маленьким, страдающим людям.

В дни самой тяжелой реакции, скитаясь по стране без пристанища, когда кругом него были «сумерки, а дома и улицы затканы какой-то туманной сетью густого снега», когда никто не знает, «что будет завтра и даже в следующую минуту», Лу Синь, смотря в окно на сад с заплесневелой стеной, находит в себе силы видеть красоту своей земли: «В каком краю, где еще так бывает, что, не замерзая под ледяной землей, в снежных сугробах, распускаются красные, как огонь, цветы»¹.

В «Дневнике сумасшедшего», в страшных картинах Лу Синь изображает китайскую деревню. Дикая эксплуатация и суеверные обычаи создали в больном мозгу помешанного идею страха быть съеденным своими односельчанами и собственным братом, все окружающие представляются ему людоедами. «Спасите, спасите детей!»—взывает он и угрожает: «В будущем не станут терпеть людоедов».

Простая неграмотная вдова в рассказе «Завтра» стоит в страхе перед «ученым» доктором с его длинными ногтями и магической формулой болезни, которая все же не спасает ее ребенка от смерти. Черная ночь опускается над опустевшей каморкой молодой женщины, жизнь которой теперь потеряла всякий смысл. Но эта черная ночь суеверий опускается над страной не навеки, она пройдет, дает надежду автор: «... и мчится темная ночь, стремясь поскорей превратиться в ясный день».

Но ближе всего к Чехову Лу Синь в своем автобиографическом рассказе «Родина». Безысходная тоска при виде нищеты и заброшенности родной деревни, прочность классовых перегородок между людьми, которые в детстве были друзьями,—таковы тяжелые впечатления Лу Синя, после двадцатилетней резлуки вновь побывавшего в родном селе. Но все же, покидая его, он надеется, что у молодого поколения будет общий язык; он не хочет, чтобы оно жило, подобно ему, в непрерывных скитаниях, или в тяжелом отупении, как Жуньту, или с горькой злобой в душе, как другие. Оно должно жить «новой жизнью, которой мы не испытали».

И Лу Синь думает «... наши надежды—это не то, что существует, но и не то, что не может быть. Так на земле—дороги нет, а пройдет много людей и образуется дорога»...

Вот эти-то черты творчества Лу Синя, не говоря о ряде последующих его произведений—сатирических фельетонах, и являются чеховской мечтой о «той жизни, которая должна быть» пересаженной Лу Синем на китайскую почву. И если известный писатель Чжан Тяньи в своей автобиографии пишет: «Под влиянием Лу Синя я писал реалистические рассказы» и признает влияние Чехова на свое творчество², то это является лишь еще одним подтверждением развитого выше положения о влиянии Чехова на ведущего писателя современного Китая Лу Синя, а через его творчество и общественную деятельность на многих других китайских писателей.

¹ Лу Синь, В кабачке. Произведения, избранные самим автором, 1924.

² Сб. «Китайские рассказы» под ред. В. Рогова. Гослитиздат, 1944, стр. 150.